

Владимир Беляков

16+

*Записки
промысловика*

Повести и рассказы

Владимир Васильевич Беляков

Записки промысловика.

Повести и рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63973056

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-98603-9

Аннотация

В десять лет я отважился один уйти с ночёвкой на рыбалку в тайгу. В двенадцать лет лесничий Зинур Хасаншин взял меня с собой на медведя. В дальнейшем мне довелось работать промысловиком и жить в экстремальных условиях Крайнего Севера в живописнейшем уголке Таймыра на озере Лама.

Содержание

Повести	4
Шкалик	4
Часть 1. Щенок	4
Часть 2. Прошка	6
Часть 3. Спаситель	10
Часть 4. Пурга	16
Часть 5. Первый песец	20
Часть 6. Ворон	23
Часть 7. Найда	28
Часть 8. Волки	30
Часть 9. Схватка с догом	34
Часть 10. Прощание	40
Росомаха	43
Часть 1	43
Часть 2	45
Часть 3	48
Часть 4	53
Часть 5	56
Часть 6	58

Конец ознакомительного фрагмента. 62

Владимир Беляков

Записки промысловика.

Повести и рассказы

Повести

Шкалик

Часть 1. Щенок

Я уже прошел третий, самый мощный и стремительный пережат реки Талая и собрался войти в озеро Мелкое, когда увидел на левом берегу знакомую мне компанию. В тихой заводи, уткнувшись в берег, стояли несколько лодок. Мне прокричали:

– Володя. Подгребай к нам!

Причалил. Компания весело и шумно отдыхала на природе уже двое суток. Под ногами бегал маленький лохматый щенок. Я взял его на руки. Он, радостно повизгивая, махая хвостом, старался лизнуть меня в щеку и с любопытством заглядывал мне в лицо своими темными хитрыми глазками.

– Чей? – спросил я.

– Да на Вальке к нам прибился.

Начал уговаривать отдать его на рыбацкую точку. Мне объяснили, что раз щенок сам прибился, отдавать его просто так нельзя. Нужно либо дарить, либо продавать.

– Шкалик наливай и забирай.

– Не вопрос.

Я поставил на стол бутылку водки.

Так евразиец обрел свой дом на рыбацкой точке, расположенной на берегу живописнейшего озера Лама, окруженного с востока ламскими горами, а с севера – плато Путорана. А за что был куплен, такую кличку и получил – Шкалик.

В собачий коллектив из пяти уже взрослых псов молодой щенок влился без проблем. А через короткий срок собаки начали проявлять к нему уважение. По натуре любопытный, терпеливый, с добрым нравом и хитрым, подкупающим взглядом, он располагал к себе окружающих, за что постоянно получал от людей презенты в виде пищи, сладостей. Собаки оценили эти его качества, поэтому держались всегда рядом с ним, в ожидании какого-либо лакомства, брошенного Шкалику. Полученным презентом он делился, не проявляя агрессии.

Находясь в постоянном движении, любопытство и инстинкты охоты начал проявлять своеобразно. Заметил, что угощение, которое он получает, люди всегда достают из рюкзаков, мешков, баулов. Это подтолкнуло его к первой про-

делке.

Когда причалила лодка, щенок спрятался за засолкой. Не проявляя себя, подождал, когда люди в окружении встречавших их собак пройдут по тропинке к избе. Тут же запрыгнул внутрь лодки. Нюх будущего охотника без труда отыскал мешок с провиантом. Через мгновение, держа в зубах увесистый кусок колбасы, он лежал в кустах и наслаждался деликатесом.

После первой удачной попытки при звуке приближающейся лодки или катера бежал к засолке и укладывался в вырытую им в песке яму, положила голову на вытянутые лапы, лежал без движения в ожидании.

Как-то в очередной раз, обнаружив съестное, он безуспешно пытался просунуть голову в рюкзак, чтобы достать деликатес, но не мог этого сделать. Большой туристический мешок был плотно завязан и весил больше, чем щенок. Чтобы не терять время, он начал рывками вытягивать мешок из лодки и перевалившись через борт, тот оказался в воде. Пес посмотрел в сторону избы, не идут ли люди, прыгнул в воду, ухватил зубами плавающий на поверхности рюкзак и, поплыл по протоке на противоположный берег.

Часть 2. Прошка

Прошел год. Шкалик повзрослел. В размерах перегнал остальных довольно крупных собак. Под лохматой шку-

рой, просматривался мускулистый корпус и мощная грудная клетка. Пес стал лидером, беспрекословным вожаком, охотником и охранником. Неизменными оставались умные с хитринкой глаза.

И вот нам привезли трехмесячного котенка. Мы крикнули собак и выпустили дымчатого цвета крошечное создание в середину. Шкалик, знакомясь, долго обнюхивал его. Взъерошенный комок сначала терпел, а затем ударил пса по носу. Тот в ответ прижал его лапой к земле. Округлив глазки, котенок немного подергался, а когда успокоился, пес стал вылизывать его своим шершавым языком. Скоро маленькое существо превратилось в мокрую варежку. Так между ними произошло знакомство, завязалась дружба. Котенку дали кличку Прошка.

Шкалик ревностно охранял его, постоянно сопровождал, не давая в обиду. Через короткое время они стали неразлучной парой.

В августе произошел такой случай. Прошка гулял по песчаной косе, когда причалил катер с отдыхающими. Шкалик, заметив приближение катера, занял свою исходную позицию, спрятавшись за засолкой. У причала висело предупреждение, что выходить на берег без разрешения запрещено. Но одна дама спустилась по трапу, не смотря на предупреждающий плакат. На руках она держала черного окраса, комнатную собачку, а затем выпустила ее из рук на песок. Увидев котенка, та со злобным лаем бросилась к нему. Прош-

ка, не проявляя страха, продолжал семенить лапками. Маленькая собачка, рыча, набросилась на него, сбила и начала кусать. Котенок жалобно тихо замыкал, вжавшись в песок. Этот «плач» не было слышно из-за работающего двигателя катера, но Шкалик услышал.

С обезумевшими глазами он выскочил из укрытия, отыскивая своего друга. Увидев, со свирепым рыком ринулся на его обидчика, который, убегая, с визгом пролетел по песку и прыгнул на руки опешившей даме. Шкалик никогда не бросался на людей, но хозяйку этой собачки готов был разорвать. Он подбежал к ней вплотную, показывая острые клыки, зарычал так, что у онемевшей от ужаса женщины начали подкашиваться ноги. Наблюдавшие все происходящее с катера люди начали кричать на собаку, звать на помощь. Но пес, не обращая внимания на крики, рыча, теснил женщину. Его глаза не выпускали из виду это маленькое, черное зло на руках у нее. Он присел, откинув задними лапами груды песка, прыгнул вверх, пытаясь в прыжке выхватить прижатую к груди собачку. Злость переполняла его, поэтому прыжок оказался такой сильный, что челюсти лязгнули на уровне лица женщины. Она отпрянула назад и завалилась на трап. Несколько пар рук подхватили ее и затащили на катер. Шкалик дважды гавкнул и побежал к своему любимцу.

Прошка лежал в песке и жалобно мяукал. Пес обошел его вокруг, лег рядом и начал облизывать. Потом взял котенка аккуратно в зубы и понес к избе.

После этого случая Шкалик больше не оставлял котенка без присмотра. При первых же звуках приближающегося катера или лодки выбегал на косу и отыскивал глазами Прошку. И не отходил от него до тех пор, пока катер не отчаливал от берега. А если на причалившем судне обнаруживалась собака, пес становился агрессивным, уши прижимались к голове, шерсть на загривке становилась дыбом. Он бегал вдоль косы, грозно рычал и лаял, предупреждая. Желание спуститься на берег у многих пропадало сразу.

Дружба между собакой и котом крепла с каждым днем. Каждое утро, как только открывалась дверь можно было наблюдать импровизированные сцены. Прошка выскакивал во двор и начинал отыскивать среди собак своего друга. Увидев, подбегал и начинал прохаживаться мимо. Шкалик закрывал глаза и делал вид, что спит. Кот прохаживался мимо, показывая себя, но поняв, что на него никакого внимания не обращают, подбегал ближе и бил лапой Шкалика по носу. Тот открывал глаза, потягивался, выставляя лапы вперед, и случайно задевал кота. Возмущенный тем, что его задели, Прошка выгибал спину и набрасывался на обидчика. Пес соскакивал, и начинались взаимные погони. То кот убегал от собаки, то собака убегала от кота.

Зимой, уезжая на работу, часто забывали запустить кота в избу. А вернувшись через несколько часов, всегда наблюдали одну и ту же картину. Шкалик неподвижно лежал на снегу, весь покрытый инеем, и на наше появление только вилял

хвостом. Потом между лап появлялась заспанная мордочка кота. Он, мяукнув, выползал из теплого «спальника», начал облизывать себя, затем нос Шкалика. Пес невозмутимо лежал в ожидании, пока кот осторожно спуститься на снег и, подняв хвост, не скроется в дверном проеме избы. Только после этого поднимался сам, реверсивным движением туловища сбрасывая с себя снег и иней.

Часть 3. Спаситель

В шестьдесят пятую годовщину Революции с утра по телевизору играла маршевая музыка, транслировали репортажи о демонстрациях, которые шагали по стране с Дальнего Востока на запад. До военного парада на Красной площади оставалось четыре часа.

Я вышел из избы. Светило яркое солнце, напоминая о себе перед долгим расставанием на период полярной ночи. Снег накрыл своим покрывалом лес, горы. Светло-синего цвета прозрачный лед, покрывший озеро, стелился хрустальной накидкой от берега до берега. Сжимаясь от мороза, лед трескался ружейными залпами, грохот разлетался по озеру, ударялся о склоны гор и возвращался эхом. Большой термометр, прибитый к избе, показывал минус двадцать два градуса.

Морозная погода держалась уже более недели. Ночью температура опускалась до минус тридцати градусов. На точке

я был один. Мои напарники, Федя с Вадимом, находились в городе, занимаясь заготовкой необходимого товара и продуктов на зимовку. По радиосвязи сообщили, что прилетят вертолетом в ближайшие дни.

Чтобы чем-то занять время, я решил выйти на озеро и поставить прогоны для сетей. Совершенно забыв о заповеди нганасан: «Пока не услышишь храпанье оленя на озере, сиди яранга, однако. Лед еще коварный. Пошел по озеру олень – иди и ты смело».

Оделся, покормил собак, нарубив мерзлого налима. Положил на сани, пешню (лом для создания прорубей с деревянной ручкой), норильную вилку (трезубец для захвата и передвижения норила), черпак – все, что необходимо для установки прогонов. Зацепил норило (шест с привязанной к нему веревкой, для проталкивания подо льдом) и, шлепая широким лыжами «Тайга», отправился на озеро.

Расстояние между берегами было около трех километров, а сети устанавливали практически посередине. Так что мне необходимо было пройти почти полтора километра.

Собаки, сопровождая меня, бежали рядом. Так мы прошли почти полкилометра. Но затем Шкалик повел себя как-то странно. Забегая вперед, садился на лед, а когда я подходил, не двигался с места. Мне приходилось обходить его. Он опять забегал вперед и снова садился. Наконец мне это надоело.

– Ты что творишь? Я же не на слаломной трассе, чтобы

обходить тебя?

Пес сел на лед, опустил голову и дальше не пошел. Собаки, пробежав еще несколько метров за мной, оглядываясь на вожака, тоже сели.

– Шкалик. Ты что, трусишь?! – крикнул я.

Пес в ответ лишь вяло завилял хвостом.

Пройдя около километра, я решил проверить толщину льда. Взял в руки пешню и вонзил ее в лед. Раздался сильный грохот, как выстрел из ружья. Трещина, разрывая лед, понеслась вдаль по ледяному панцирю озера. Через нее тут же проступила вода и начала замерзать, затягивая ледяной рубец, рисуя гигантскую змею, уползающую вдаль.

Прошел еще метров шестьсот. Сориентировавшись по берегам, остановился. Лед был прозрачный, что должно было значительно облегчить установку прогонов. Норило подо льдом будет хорошо просматриваться, и установка займет не более трех часов. Я посмотрел в сторону избы. На белом фоне заснеженного берега выделялись темные контуры строений. Высоко вверх из трубы поднимался столб теплого воздуха. Горы красовались такой голубизной, будто были не из камня, а из хрусталя.

Я взял в руки пешню, чтобы вырубить лунку и сделать замер глубины. Снял лыжи, сверху бросил прогоны и только сделал несколько шагов, как раздался грохот. Лед разлетелся подо мной на крупные осколки. Вода хлынула фонтаном вверх, заливая все кругом. Я не успел понять, что произо-

шло, как оказался в воде.

Лыжи плавали на краю полыньи. Дотянулся до них рукой и начал мостить опору. Сделал попытку выбраться на лед, но он вновь стал крошиться передо мной, расширяя полынью. Не выпуская из рук лыжи начал продвигаться вперед по кромке льда. При любой моей попытке подтянуться и выбраться на поверхность раздавался треск, лед разлетался по сторонам. Метров через двадцать, наконец, удалось выкарабкаться. Подтянул под себя лыжи и попытался отползти дальше от воды, но не мог двинуться с места, так как на морозе ватная фуфайка моментально примерзла ко льду. Попробовал оторвать ее рывком, и вновь оказался в воде. Огромный кусок отломившегося льда, как щит, примерз к фуфайке на уровне груди, мешал взмахивать руками и постоянно заваливал меня на спину. Рукояткой ножа, который всегда висел на поясе, я начал разбивать его.

Кроличья шапка постоянно наползала на глаза и напоминала ледяной горшок. Ее пришлось выбросить на лед. Фуфайка промокла, сковывала движения и тащила вниз. Попытался стащить ее с себя. Легко расстегнул пуговицы на груди, но стянуть рукава не мог. Пришлось несколько раз с головой окунуться в воду и ножом разрезать ее на запястьях. Наконец, с трудом освободился от фуфайки и выбросил перед собой на лед.

Двигаться в воде стало легче. Хорошо поддерживали на воде бакари из оленьих шкур, они-то меня и спасли. Если бы

на мне были одеты валенки, то либо они утащили меня под воду, либо пришлось бы их сбросить, как фуфайку. А что бы я делал потом, оставшись босиком?

Теперь я мог опираться на лыжи. Минут пять ожидал, когда ватник покроется льдом, образовав небольшую площадку. Тело холода не чувствовало, но голова на морозном воздухе начала замерзать, обрастая сосульками. Приходилось периодически опускать ее в воду, так было теплее. Сделал очередную попытку выбраться. Мне это удалось. Опираясь на лыжи, отталкиваясь ножом ото льда, я пополз вперед, выбрасывая перед собой прогоны.

Отполз метров на пятьдесят, попробовал встать на лыжи, но лед предательски затрещал. Я замер. Оглянулся назад. Вода залила площадку размером с футбольное поле. В морозном воздухе вверх поднимался туман, переливаясь на солнце прозрачными хрусталиками.

Вдруг я услышал лай. В ста метрах от меня увидел Шкалика. Пес лаял, скулил, вилял хвостом, припадал на лапы, глядя в мою сторону. Рядом с ним, сидели остальные собаки, наблюдая за происходящим.

– Шкалик. Ко мне! – крикнул я в надежде попробовать обвязать на нем прогон.

Пес без колебаний уверенно начал приближаться. Не добежав до меня несколько метров, присел и пополз. Я накинул на него прогон, обвязал вокруг туловища и груди. Шкалик терпеливо ждал, когда я закреплю веревку на себе, обвязав

по поясу. Он смотрел на меня, в его глазах читался укор: «Я же тебя предупреждал!»

– Уже понял! – сказал я вслух.

Так же лежа, развернул лыжи по ходу движения, заполз на них. Чтобы дать прогону слабину, отмотал несколько метров и тихо прошептал:

– Шкалик! Вперед!

Пес, будто понимая, что от него требуют, пополз и через несколько метров встал на лапы. Когда прогон натянулся, внимательно посмотрел на меня. Я еще отмотал несколько метров, дав дополнительную слабину прогону. Уже без команды он отбежал, и опять посмотрел на меня.

– Шкалик! Домой! – крикнул я и стал ножом интенсивно отталкиваться ото льда, помогая собаке.

Пес рванул с места, от сильного рывка завалился на бок, лапы скользили по льду, но моментально вскочил, и, набирая скорость, тащил меня без остановки. Собаки с дружным лаем устремились за нами. Лыжи заносило на льду, как маятник, то вправо, то влево. Через несколько минут пес выскочил на берег, а я влетел головой в ледяные торосы.

В избу я поднимался, уже как робот, скрипя и шурша обледенелой одеждой, руками оттирая остекленевшие уши.

По телевизору начинался военный парад. Я переоделся. Позвал Шкалика. Положил перед ним рубленую оленину и, стоя у печки, смотрел, как он зубами дробит кости, зажав их лапами. Тут я поймал себя на мысли, что надрессировать

можно любую собаку, но не каждая может думать, слушать и понимать человеческую речь.

Часть 4. Пурга

В конце ноября сломался снегоход, а проверять капканы нужно было регулярно. Тогда я впервые взял Шкалика с собой на охоту, скорее на случай внезапной пурги, чтобы он мог без проблем вывести к жилищу. У нас с ним уже был опыт ночевки в снегу.

Однажды, когда я еще прокладывал путик, устанавливая капканы в районе реки Микчангды, занимаясь возведением очередной горки, увидел, что на снегоходной тропе сидит Шкалик, смотрит на меня и помахивает хвостом. «Что-то неспроста появился он здесь,» – подумал я, а вслух начал было ругаться:

– Кто тебе разрешил за мной бежать?

Пес лег, виновато посмотрел на меня и опустил голову на лапы.

– Ладно. Уговорил.

Я не стал его прогонять и оказалось, что собака пробежала за мной более десяти километров не случайно. Уже стало темнеть. В луче света фары все чаще стали появляться снежные хлопья. Ветер начал гнать поземку, поменял направление и, усиливаясь, стал дуть с юга.

– Пора срочно бежать отсюда. Сейчас задует, – сказал я,

глядя на Шкалика.

– Все, это последний капкан.

Бросил лопату с топором в пэну (металлическую волокушу), уселся на «Буран» и поехал. Пес побежал впереди снегохода. Ветер усиливался с каждой минутой, подхватывал снег, падающий сверху, срывал пласты с лежащих сугробов, поднимая вверх, разрывал их на части, перемешивая и закручивая, гнал перед собой сплошной стеной. Верхушки деревьев от сильных порывов, как по команде, гнибли стволы. Пронсясь с большой скоростью между голых веток, ветер рождал гул и свист.

Выехал на озеро. Наст стал тверже и ровнее, но я не мог увеличить скорость, так как фара снегохода своим лучом уже не могла пробить плотный занавес снега, не помогал и дополнительно включенный фароискатель. Я все чаще стал терять из вида собаку. Приходилось, вглядываясь вперед, высовываться из-за ветрового стекла. Снег больно ударял в лицо, слепил, забивался под капюшон, таял на щеках, стекая маленькими струйками по подбородку и шее, образовывал ледяную корку на груди.

Шкалик вынырнул из темноты с правой стороны от меня. «Начал срабатывать закон сильного ветра», – подумал я. Отворачивая и пряча лицо, машинально поворачивая руль, я уходил с маршрута влево. Сделав поправку на ветер, продолжил движение, но так как сразу же терял из вида собаку, вновь начинал уходить влево. Так повторялось несколько

раз, и, когда Шкалик в очередной раз выскочил из пелены снега, совершенно, с другой стороны, я остановился.

– Что будем делать? У меня с собой нет веревки, чтобы сделать тебе поводок. А так мы можем крутиться на одном месте до бесконечности.

Пес посмотрел на меня через щели залепившего его морду снега и лег.

– Может ты и прав. Дальше дергаться опасно. Не дай бог еще влететь в наледь. Лучше переждать.

Я развернул «Буран», поставил его поперек потока ветра. Лопатой вырыл яму до самого льда и постелил оленью шкуру. Выбросил из пэны капканы, которые не успел установить, и накрыл ею убежище. Забрался внутрь и позвал Шкалика. Из мешка достал ему несколько кусков мерзлой рыбы, предназначенной на приваду песцам. Пока пес разбирался с рыбой, я налил себе еще не успевшего остыть, чая из термоса. Через час мы дружно посапывали в вырытой яме, под сплошной гул и завывание ветра.

В снежном плену нам пришлось просидеть почти сутки. Я уже начал замерзать. Чтобы как-то согреться все ближе прижимался к собаке и проваливался в сон. «Как бы навсегда не уснуть», – проносилось у меня в голове, а глаза снова накрывала тяжелая пелена.

Отрывистый, громкий лай растолкал меня. Шкалик лапами и зубами пытался стянуть с меня брезентовую накидку и гавкал прямо в лицо. От жуткого холода я долго не мог по-

шевелиться. Наконец, выбрался наружу из снежного мешка. Вокруг стояла мертвая тишина. Небосвод полыхал таким ярким северным сиянием, что иногда даже луна терялась из вида. Морозный воздух сразу стал прихватывать щеки. Влажная одежда вмиг покрылась ледяной коркой, издавая хрустящие звуки. Я стал оглядываться. Справа проступали очертания берега. «Остров Чаечный», – догадался я. До нашей избы оставалось не более четырех километров.

– Это только сутки прошли, Шкалик, а я уже чуть дуба не дал. А медведям хоть бы хны, спят себе всю зиму, – губы мои и тело тряслись от холода.

Вытряхнув из мешка на снег последнюю приваду, пританцовывая, я начал зацеплять волокушу за «Буран», мысленно приговаривая: «Лишь бы завелся. Лишь бы завелся». Собака в это время с аппетитом расправлялась с рыбой.

– Ну что, не подведи!

И нажал на гашетку. Двигатель завелся с полоборота. Шкалик присел, радостно виляя хвостом, потом вскочил и с веселым лаем рванул по озеру в направлении избы.

Через полчаса снегоход взобрался по пологой косе на утоптанную площадку. Собаки встретили нас дружным лаем. На крыльцо вышли Федя и Вадим.

– Ну, слава Богу. А то мы уже все на нервах.

Часть 5. Первый песец

Для ловли песцов у меня было закольцовано два путика: большой, по берегу озера, и маленький, по островам и речке Лама. Соболиный путик проходил по лесному массиву вдоль речки Батык.

Я надел лыжи «Тайга», закинул за плечи рюкзак с термосом и привадой, взял в руки карабин и крикнул Шкалика. Мы направились с ним по снегоходному следу.

Песец попал в капкан задней лапой. Вырыл себе яму в снегу. При моем появлении открыл пасть и начал угрожающе тявкать, делая рывки в мою сторону. Бежавший за мной Шкалик впервые увидел песца. С любопытством, виляя хвостом, начал рассматривать белое пушистое существо, похожее на собачку, и пытался обнюхать ее. Песец яростно огрызнулся, предпринимая попытки, укусить. Пес вопросительно посмотрел на меня.

– Взять его!

Эти слова я сказал, не подумав, так как уже неоднократно убеждался, что собака понимает речь. В один момент пес ошетинился, с рычанием схватил песца за шею, встряхнул несколько раз, разжал челюсти. Песец без движения упал на снег.

– Молодец, – похвалил я.

Благодарность он принял как разрешение на расправу.

Следующего песка я увидел в метрах ста. Он попал в капкан тоже задней лапой, описывал круги вокруг городушки, натягивая трос. У меня были опасения, что Шкалик испортит шкурку песка и поэтому постарался отвлечь его разговорами. Пес бежал рядом, внимательно смотрел на меня, не понимая, отчего вдруг я стал такой многословный. Это ему показалось подозрительным. Он остановился, стал осматривать местность и сразу обнаружил песка. Через мгновение он уже мчался к нему и совсем не реагировал на мои крики:

– Фу! Нельзя!

Шкалик подбежал, схватил песка за шею и проделал с ним то же, что и с предыдущим. Сел на снег и стал ожидать меня. После осмотра тушек я убедился в том, что шкурки не были испорчены.

– Молодец! Ювелирная работа, – похвалил я.

Пес в ответ отрывисто гавкнул.

Прошел еще год. Шкалик вырос и превратился в матерого, мощного, умного, постоянно находящегося в движении охотничьего пса. В конце августа появилось потомство. Сучка Найда родила от него пятерых щенят. По какой-то причине вскоре у нее исчезло молоко, она прекратила кормить щенков и просто убегала от них, не проявляя материнского инстинкта. Тогда нам пришлось перейти к их искусственному вскармливанию. От резиновых перчаток обрезали пальцы, изготовили соски. Разводили порошковое молоко, готовили мясные, рыбные бульоны и кормили их из бутылок, по-

ка они не перешли на обычную пищу.

Довольно крупные, лохматые красивые комочки были любимцами на точке. За мать они принимали Шкалика. При его появлении с радостным повизгиванием бросались к нему, бродили за ним гурьбой, спали, тесно прижавшись к его брюху. Он покорно переносил эту нагрузку еще и потому, что Прошка постоянно находился вместе со щенками, бегал и играл с ними. А Шкалик добросовестно выполнял роль воспитателя: зорко следил, чтобы другие собаки не обижали малышей, строгим рыком осаживал непослушных. А стоило раздаться щенячьему визгу, как он появлялся на этом месте моментально, словно вырастал из-под земли и жестко наказывал обидчика. Умилительную картинку можно было наблюдать, когда по заснеженной тропке брел Шкалик, а за ним семеня лапками, едва поспевая, пошатываясь в стороны, заваливаясь набок, бежали пушистые создания. Процессию, как всегда, замыкал Прошка, играясь с хвостами отстающих, стараясь зацепить их лапой. И стоило одному из щенков упасть, как он накидывался сверху, и сразу начиналась взаимная возня. С рычанием и тьяканьем подключались остальные, создавая кучу-малу. Потом встрепенувшись, лохматые комки распались и устремлялись догонять своего воспитателя. Мы шутили по этому поводу.

– Шкалик! Ты не папа, ты мама-Карла.

Часть 6. Ворон

С середины марта к нам повадился залетать очень крупный ворон с массивным загнутым клювом. Он делал облет вокруг косы, усаживался на крышу избы, карканьем извещая о своем прилете. Потом часами сидел, внимательно наблюдая за всем происходящим внизу. В ясную погоду, присмотревшись к оперению этой птицы, можно было увидеть наличие уникальных оттенков и отливов, создающих неповторимую игру цвета и блеска.

Стоило кому-то выйти из избы, как черная птица наклоняла голову вниз и, приветствуя, издавала трубные звуки вроде «крух-крух». При этом перья на его зобе дыбились, приобретая форму бороды, и тогда он был похож на токующего глухаря.

Как только Вадим начинал кормить собак, топором рубая мерзлые тушки рыб, ворон оживал. Он перелетал на крышу летней кухни, открывал клюв и, растопырив крылья, начинал пристально следить за происходящим процессом. Покормив взрослых собак, Вадик отгонял их и начинал готовить пищу для щенков. Черный хитрец тут же опускался вниз, спрятав клюв под крыло, начинал разгуливать между щенками, стараясь, слиться с ними воедино. Потом из-под крыла клювом дергал за хвост какого-либо из лохматых комков, а когда щенок оборачивался, хватал кусок еды и улетал

к засолке.

Вадим уже принимал птицу как члена нашей бригады, и когда кормил щенков, откидывал в сторону куски пищи и ей, но та их как будто не замечала, а каждый раз старалась именно своровать, выхватить из-под самого носа щенков.

Этой сообразительной птице нравилось устраивать игры с собаками. Если от избы по озеру вдруг начинался разноситься визг, безудержный гвалт собачьего лая, мы знали – ворон устроил катание на горке.

После нескольких дней безветренной погоды на крыше скапливалось много снега. Ворон подпрыгивал вверх у конька, падал в пушистый наст и катился по крутому откосу, потом срывался вниз и у самой земли с криком расправлял крылья. Собаки, щенки, сбившись в кучу, начинали охоту. Открыв пасти ожидали спуска ворона, стараясь схватить его зубами, поймать этого черного «экстремала», но он умудрялся в последнюю секунду взмыть вверх. Это их будоражило, заводило, и скоро с лаем, визгом и рычанием они в азарте метались по двору. Ворон на время приостанавливал игру и скрипучим «крав-крав» начинал передразнивать собак, пародируя их гавканье. Когда двор уже напоминал разворошенный «собачий» муравейник, он менял тактику и начинал спуски с другой стороны избы, которая окнами выходила на залив. Там снегу было под самую крышу, и ринувшиеся туда собаки проваливались по макушку, а щенки вообще терялись в снежной насыпи. Это ворону доставляло осо-

бенное удовольствие. Позабавившись, он прекращал игру и с любопытством наблюдал, как собаки по уши в снегу возвращались на двор. Потом, чтобы разрядить обстановку, летел к прогонам с сетями и там расхаживал по снежному насту внимательно наблюдая, как ребята проверяют сети. Иногда подходил очень близко, стараясь заглянуть в проверочную лунку, и, конечно, всегда получал презент в виде рыбы.

– Откупаться надо. Рабочий контроль прилетел, – шутил Вадим.

Ворон – это уникальная, неповторимая, загадочная и очень умная птица-одиночка, которая в тундре встречается редко. Они не собираются стаями, как их сородичи вороны, которые, как правило, живут и промышляют вблизи населенных пунктов, облюбовав себе районы мусорных отвалов, оккупированных неисчислимым количеством чаек.

Мы уже привыкли к разным проделкам этой хитрой птицы. Каждое утро, просыпаясь, мы включали телевизор и, собираясь на работу, слушали и смотрели последние новости, произошедшие в стране и мире. Как ворон догадался, что может помешать нам смотреть передачи, мы не знали, но прилетая, он уже садился не на крышу избы, а на телевизионную антенну и начинал ее раскачивать. На экране телевизора появлялись помехи, исчезал звук.

– Вадим! – кричали мы. – Иди кормить своего беспредельщика. Не даст же новости посмотреть.

И если на крыльцо раньше Вадима выходил кто-то из нас,

ворон начинал нервничать, возмущенно кричать и устраивал просто пляски на антенне.

Однажды мы стали свидетелями очень забавной картины. Ворон, сидя на засолке, увидел, как на тропе появился Шкалик, следом за которым бежал Прошка. Он тут же покинул свое место и низко пролетел над прогуливающейся парочкой. Громко хлопая крыльями, опустился на тропинку и вразвалочку побрел следом за ними. Пройдя несколько метров, он клювом стал хватать кота за хвост. Прошка резко оборачивался, ворон замирал, поднимал голову вверх и уставившись в небо открывал клюв. Потом опять семенили по тропинке, а ворон продолжал дергать кота за хвост. Прошке это надоело. На спине устрашающе вздыбилась шерсть, и боком, выгнув спину, он начал приближаться к незваному и назойливому попутчику. Ворон, запрокинув голову вверх, открыл клюв, закатил под лоб глаза и, как бы не замечая кота, вновь уставился в небо. Прошка в нерешительности остановился, тогда на выручку другу поспешил Шкалик и бросился прогонять навязчивую птицу. Ворон, обидевшись, каркнул, поднялся вверх и, пролетев несколько метров, штопором упал в снег рядом с тропинкой, распутив одно крыло, прихрамывая, стал перебирать лапами. Шкалик опять кинулся к ворону, спугнул, и тот, часто взмахивая крыльями, пролетев не более метра, вновь, как подстреленный, упал вниз и завалился на бок, веером растопырил крыло, показывая, что ранен. Собака опять бросилась к нему. Так продол-

жалось несколько раз. Пес уже начал злиться, рычать, а ворон от этой забавы, чуть ли не хохотал, издавая клокочущие звуки «хро-хо-хо». Когда в очередной раз птица, притворяясь, завалилась на снег и распустила крыло, Шкалик тоже вдруг упал на бок, вытянул перед собой лапы и замер. Ворон полежал, не понимая, что происходит осторожно поднялся, вразвалочку приблизился к собаке сзади и стал клювом дергать за хвост. Пес лежал без движения. Тут птица, потеряв бдительность, перескочила через него, подошла к его морде, и наклоняя голову вправо, влево, стала заглядывать ему в глаза. Прощка молниеносным прыжком кинулся на ворона, вскочил и Шкалик, лапой придавив хвост наглой птицы.

Ворон в испуге, судорожно заработал крыльями, закричал гортанным «ток-ток». Потеряв два больших пера из хвоста, облетел косу, опустился на засолку и стал недовольно кричать: «Крах-крах», что можно было перевести с птичьего как:

– Деревня. Шуток не понимаете?

Шкалик в ответ отрывисто гавкнул, что-то вроде:

– Сам дурак, и шутки у тебя дурацкие!

Так ворон жил рядом с нашей точкой несколько лет. Исчезал только на весенний период, когда над водой и сушей начинали хозяйничать крачки. Отложив в своих гнездах яйца, они становились агрессивными. Вплоть до появления птенцов эти птицы очень ревностно охраняют свою территорию, а при приближении к ней незваных гостей всей колонией на-

брасываться и прогоняют, будь то человек, зверь или птица.

Часть 7. Найда

В конце ноября щенятам было уже по три месяца, когда произошло непоправимое. Мы сидели за столом, готовились к ужину. Тепло, исходящее от печки, приятной истомой ласкало тело, утяжеляло веки, клонило в сон после тяжелого рабочего дня, проведенного на морозе. На лай Шкалика, доносившийся снаружи, сначала не обращали внимания, но когда он начал прыгать и ударять лапами по стеклам окон, занесенных по раму снегом, мы встревожились.

– Вадим, выйди, посмотри, что с собакой.

Через минуту он вернулся.

– Понятия не имею. Бегает, лает у сарая.

Я нехотя оделся и вышел.

– Говори. Что случилось?

Увидев меня, он рванул к небольшому сарайчику, где жили собаки, сел у лаза и начал лаять. Заглянув внутрь, я обнаружил отсутствие щенков и Найды.

– Что за дела. Куда вы делись?

Я начал звать Найду. Обошел избу, пристройки. Фонариком, освещая дорогу, пошел по тропинке и услышал лай, доносившийся с косы. Шкалик сидел у засолки и смотрел в сторону озера. У меня пронеслась страшное предчувствие.

– Неужели эта сука опять увела щенков по путику?

Всего неделю назад, когда мы занимались проверкой сетей, Шкалик, лежа, с аппетитом разбирался с брошенным ему налимом. Вдруг вскочил, стал обнюхивать воздух, занервничал и с рычанием рванул к противоположному берегу. Мы настороженно посмотрели в темноту полярной ночи и достали из снегоходов ружья.

– Поеду, посмотрю, что это он всполошился.

Через двести метров на утоптаный колее путика я увидел, как Шкалик гонит впереди себя щенков. Прижав уши, опережая друг дружку, те с визгом мчались в направлении избы. Найда, поджав хвост, бежала впереди, не оборачиваясь, затем свернула с путика и побежала по целине озера.

Вспомнив про этот случай, я бегом кинулся в избу.

– Вадим! Когда кормил собак последний раз, щенки были на месте?

– Утром. Все были в сарае. А вечером еще не кормил.

– Это почти шесть часов назад. Быстрее собирайся. Скорее всего, Найда увела их по путику. Если попадут в капканы, щенкам конец. Градусник на дворе показывает всего минус тридцать, но без движения они замерзнут.

Мы начали спешно собираться и, зацепив сани, выехали на путик. Впереди по накатанному следу, торопя нас лаем бежал Шкалик. Должна была появиться первая горка с капканом, когда лучи фар осветили Найду. Она сидела, поджав хвост и прятала голову под задние лапы. Шкалик с разбега налетел на нее и начал просто рвать, такой злобы с его сто-

роны мы еще не наблюдали и с трудом смогли оттащить его от повизгивающей сучки.

Наши ужасные предположения подтвердились, когда подъехали к городушке. В ней лежал окоченевший щенок, уже припорошенный снегом. Обе его передних лапы были зажаты стальными душками капкана. Такая же участь постигла и остальных.

Вернулись домой. Узнав о том, что щенки погибли, Федя достал ружье, вышел во двор и позвал Найду.

Часть 8. Волки

Полярная ночь практически закончилась. Над горизонтом, пробиваясь через кристаллы холодного воздуха, стало всходить солнце, с каждым днем поднимаясь все выше и выше. В конце февраля уже можно было наблюдать частое здесь мистическое явление гало, когда вокруг солнца образуется яркий круг, а солнце отражается по бокам.

Приближалась весна и вдруг собаки начал надолго уходить в лес. Исчезали на несколько дней, а возвращались со следами крови на шерсти, отвисшими, набитыми животами. Отлеживались неделю и снова уходили.

У волков начался гон. И когда в очередной раз собаки на долго ушли, из четырех назад вернулся только Шкалик. Уши его были разорваны, на бедре была видна резаная рана от зубов. Шерсть была в крови.

– Ты что, скормил волкам своих братьев? – с укором сказал я, осматривая рану на собаке, но Шкалик дернулся, пробежал мимо меня и, помахивая хвостом, направился к Прошке, который сидел на крыльце.

Эти уходы начали меня тревожить. И вот однажды Шкалик привел волков прямо к избе.

Это был в первый день марта. Как всегда, с утра я готовился выехать на путик. Снегоход стоял возле избы. Осталось загрузить под сидение термос с горячим чаем. Я взглянул на озеро. Сверху от избы открывалась панорама южного склона гор, района реки Микчангды.

Мое внимание привлекли темные точки на озере. Такой цепочкой могли следовать только олени или волки. Я вытащил из-под сиденья бинокль и начал всматриваться. В направлении избы по накатанному снегоходами следу большого путика растянулась стая из четырех волков. Они бежали след в след. Головы были слегка опущены и повернуты вбок, хвосты свисали вниз. С присущим волкам своеобразным подпрыгиванием они бежали прямо в нашу сторону. Очень темного окраса волк бежал впереди, временами оглядываясь на остальных. Я заскочил в избу и крикнул Вадиму:

– Волки на озере!

Он схватил ружье, и мы вместе выскочили во двор. Вадим уселся в сани. Я вытащил из жесткого чехла, закрепленного под капотом, карабин. Стали ожидать приближения волков. Они должны были находиться где-то рядом, так как из-

за высокого и крутого берега с нашей стороны их уже не было видно. Я начал осторожно приближаться к краю берега, чтобы посмотреть. Сделал несколько шагов вперед, как прямо на меня выскочил Шкалик. Я чудом не выстрелил в него. Он пробежал мимо меня и носом уткнулся в бок Прошки. В ответ на приветствие кот лапой ударил собаку по носу. Шкалик завилал хвостом, уселся рядом и, хитро глядя на меня, высунул язык. Выдохнув, я приблизился к обрыву. Волки сидели цепочкой, внимательно глядя в нашу сторону. Я попятился назад, махнул головой Вадиму:

– Готов?

Завел «Буран». Мы спустились на озеро и помчались к волкам. Увидев нас, стая рассыпалась в разных направлениях. Разогнаться и сократить дистанцию для стрельбы не удавалось, мешали заснеженные торосы. На первом же сани подпрыгнули, и Вадим вылетел из них, зарывшись головой в снег. Преследовать волков было бессмысленно. Вскоре погоню прекратили.

Вадим с Федей уже крепко спали, и я готов был забраться под теплое одеяло, когда услышал какой-то посторонний низкий звук, доносившийся снаружи. Накинул шубу и вышел на крыльцо. Шкалик сидел на краю берега, и задрав морду вверх выл. Взглянул на меня, перестал, но продолжал смотреть куда-то на озеро. Из темного берегового массива раздался ответный вой, на значительно более высоких нотах. Наступила тишина, и слышалось скуление, переходящее

во влаивание. Шкалик посмотрел на меня, махнул хвостом и скатился вниз по крутому склону. Я подошел к краю берега. В темно-серой пелене ночи маячил размытый силуэт собаки, убегающей по озеру вдоль берега.

Я вернулся в избу, включил рацию и начал вызывать всех, кто еще был на связи.

– Я Уко 23. Кто меня слышит, прием.

Отозвалось сразу несколько голосов.

– Мужики, у меня собака, кажется, гуляет с волками.

– Сучка?

– Нет. Кобель.

И вдруг услышал:

– Володь. Значит, твой кобель первый встретил волчицу, и она приняла его, – ответил мне промысловик с озера Пеляжье. – Но, если соберется волчий гон и начнется борьба, его порвут.

– Если опять волчица не заступится, – вклинился еще чей-то голос.

– А что делать? Мне собаку очень жалко. Это тот пес, который спас меня.

– Хочешь сохранить собаку, держи на привязи до конца гона.

– Да он два дня назад четырех волков к избе привел.

– Ну, значит, приняла его стая.

– Володь. Привет. Это я, Серега, – слышался голос моего знакомого с юга озера Таймыр. – Здесь у аборигенов в

поселках часто встречаются смешанные породы собак с волками. А сколько их мы встречали в стаях по две-три особи темного и непонятного цвета. Значит, смешиваются.

Потом начали отпускать шутки по поводу моей собаки.

– Володя. Ты, наверное, своего пса в ежовых рукавицах держишь, что ему стало невмоготу. А то я гляжу, в последнее время какие-то песцы очень странные бегают, на твоего пса похожие.

– Хорошо, что мамонты вымерли, а то он и мамонтиху бы уломал.

Мы дружно рассмеялись. Но в завершение разговора врезались в память слова, сказанные Серегой к концу связи:

– Володя. Я слышал от ненцев, что пары волков создаются на всю жизнь. Если с одним что-то случится, то новая пара уже не создается. Что-то вроде лебединой верности. А если твой пес действительно загулял с волчицей, считай, что ты его потерял. Назад он не вернется.

Часть 9. Схватка с догом

В конце апреля, когда под солнцем в горах можно было уже загорать, а ночи уже становились белыми, на территории нашего хозяйства произошла трагедия. Ранним утром, когда мы занимались по хозяйству, услышали звук двигателя, приближающегося к нам снегохода. Вадим посмотрел в бинокль и сказал:

– Вася едет. А за ним бежит его дог.

Вася, наш знакомый, жил и работал в Талнахе. Весной часто ездил к своим друзьям гидрологам, которые базировались на берегу озера примерно в тридцати километрах от нас. Иногда по дороге сворачивал к нам. Попив чайку, обогревшись, следовал дальше.

Любую беседу переводил на рассказы о своем немецком доге, которого два года назад за немалые деньги приобрел щенком на выставке «Зооветснаба» в Москве. Собака была с родословной и привезена из Германии.

Мы уже устали слушать о том, с каким трудом ему удалось купить для собаки комбинезоны из разных тканей и непромокаемые силиконовые собачьи ботинки, в какие деньги обходится ему питание для собаки, прививки, миски, чашки и прочая утварь. С гордостью он делал акцент на том, что хочет вырастить из дога настоящего бойца, поэтому постоянно берет его на прогулки, когда выезжает на снегоходе.

Мы с Вадимом с любопытством ожидали появления Василия и его обожаемого дога. Солнце приятно пригревало, но уже не ослепляло, как днем, и можно было обходиться без темных очков. Звук мотора был слышен уже рядом. Шкалик как вожак и охранник выдвинулся вперед. Снегоход, перевалив через последний подъем у избы, остановился рядом с нами. Из саней, накрытых брезентом, торчали две канистры с бензином. Вася сполз с сидения, улыбаясь, направил-

ся в нашу сторону. По утоптанной снегоходом колее, широко расставляя лапы, бежал глянцево-черного окраса дог в ярко-красном комбинезоне. Массивная голова на высоко поставленной шее повернулась в сторону собак. Не останавливаясь, дог налетел на Шкалика, сбил его с ног своей мощной грудью. Мы закричали, чтобы Вася придержал свою собаку. Вася схватил дога, а я ухватил за шею своего пса. Он тихо рычал, весь подрагивал мелким ознобом, и пристально смотрел на черное чудовище. Я успокаивал его, поглаживая по голове.

Зашли в избу. Вася достал бутылку водки. Сели за стол. Мы с Вадимом пить отказались. Настроение было испорчено. Я переживал о Шкалике, зная, какая сейчас злоба и обида переполняет его как хозяина и как жожака.

Вася налил себе полстакана, выпил. Закусывая балыком, поглаживая по мощной спине дога, начал вновь расхваливать своего пса. Допив стакан, он вдруг повернулся ко мне и с загоревшей искоркой в глазах сказал:

– Володь. Пусть собаки подерутся.

Я опешил.

– Ты что, друг, охренел? Из твоего дога дерьма выпадает больше, чем весит мой Шкалик.

Вася не унимался. Ему очень хотелось увидеть бойцовые качества своего дога. Его подстегивал азарт и выпитая водка.

Мне было жаль мою собаку. С другой стороны, я чувство-

вал, что Шкалику нанесена смертельная обида. Как хозяйна, его унизили в собственном доме, на его же территории. Я видел, какой ненавистью налились глаза Шкалика, когда я держал его, предотвращая схватку. Он же был настоящим бойцом и вырос не в теплых домашних условиях. Тренировал и натаскивал себя сам.

Вася не унимался. Подумав, я дал добро. Но договорились, что в критической ситуации для собак мы их сразу растаскиваем.

Вышли на двор. Вася снял со своего любимца комбинезон и бросил в сани. Привязали остальных собак, чтобы они не вмешались в драку. Я подошел к Шкалику, обхватил его за шею и начал шептать:

– Сейчас выбежит эта породистая тварь. Сделай ее. Я же знаю. Ты можешь.

Пес весь ощетинился и подобрался для прыжка. Налитые кровью глаза сверкали безумным блеском. Мы отошли в сторону. Вася хлопнул по массивной голове дога и крикнул:

– Взять его!

Черный монстр развернул свое массивное тело, широко расставляя лапы, ринулся вперед, чуть заведя шею вбок и сбил Шкалика грудью, как в первый раз. Пролетев кубарем, наш боец вновь вскочил на лапы, внимательно следя за противником. Верхняя губа приподнялась, обнажая клыки. От второго удара он увернулся и, сделав резкий мгновенный разворот, в последний момент успел ухватить зубами бедро

противника. На черной, лоснившейся шерсти Васиного любимца появилась кровавая рваная полоса.

Дог, промахнувшись, по инерции проскочил несколько метров и начал разворачивать свой мощный корпус, отыскивая своего противника. Дальнейшее произошло мгновенно. Шкалик молниеносным прыжком всем телом влетел в передние лапы своего обидчика. Не устояв от сильного удара, дог припал к земле, с головой зарывшись в снежный сугроб. Затем вскочил, подставляя под удар бок. На снегу остался кровавый след.

Шкалик со свирепым рычанием вонзил клыки в черную шею, отскочил и снова нанес удар. Затем, вцепившись в горло завис на шее дога, продолжая рвать ее. Я бросился к своей собаке, обхватил руками и начал удерживать ее от дальнейших нападков.

Задние лапы дога начали подгибаться, он завалился на бок, тяжелое дыхание перешло в хрип.

Еще не осознавая, что произошло, Вася неуверенной походкой подошел к своей собаке. На ее шее из двух глубоких рваных порезов, пульсируя, вырывался фонтан алой крови, окрашивая снег. Раны были смертельными, через десять минут все было кончено. Дог, дернулся и, вытянув скрещенные лапы, замер.

Привязанные собаки перестали лаять и начали выть. Вместе с ними взвыл Вася, не переставая лить слезы, причитать, допил водку прямо из бутылки. Погрузил пса в сани, завел

снегоход, не прощаясь, поехал обратно в Талнах, забыв о своих друзьях гидрологах, к которым держал путь.

Мы, молча, смотрели ему вслед. Нам было откровенно жаль дога. Он погиб из-за безрассудных амбиций своего хозяина. Но чувство гордости за нашу собаку переполняло нас.

– Мне кажется, есть повод накатить! – Вадим хитро посмотрел на меня.

– Согласен! И наруби оленины нашему герою.

Я позвал Шкалика в избу. Пес лег у моих ног, вытянул вперед лапы и внимательно посмотрел на меня. Прошка спрыгнул с печки и улегся рядом. Зашел Вадим, положил перед собакой нарубленные куски оленины. Из-под стола выскочил белый горноста́й, которому Вадим дал кличку Плюшкин, ухватил большой кусок оленины своими маленькими зубками и попытался утащить его под стол, но никак не мог сдвинуть с места. Шкалик грыз кость, не обращая внимания на горноста́я. Прошка встал, потянулся и ударил лапой воришку, но тот и не думал отпускать кусок.

– Ты, Плюшкин! У тебя в закромах продуктов уже на десять зимовок.

Вадим взял горноста́я за черную кисточку хвоста, стараясь оттащить от куска, но все было бесполезно. Мы дружно рассмеялись.

Часть 10. Прощание

Это был последний месяц моей работы и проживания в промысловом хозяйстве.

Перед Первомайскими праздниками я собрал свой нехитрый скарб, загрузил в сани рыбу, песцовые и соболиные шкуры. На прощанье обнялись с Вадимом и Фейей.

Утро было солнечным и очень теплым. В протоках по краю берегов уже кое-где проступала вода. Окинув последним взглядом избу, согревавшую меня четыре полярных зимы, летнюю кухню, названную «Ресторан Чир», торчащую из снега трубу бани, сруб которой был врыт прямо в берег, я завел «Буран».

– А где Шкалик? – спросил я у Вадима.

– Я его уже трое суток не вижу. В тундре гуляет, наверное, – ответил Вадим.

Раскачивая снегоход, чтобы оторвать примерзшие к снегу гусеницы, я нажал на гашетку. «Буран» с характерным потрескиванием из выхлопной трубы тронулся с места.

«Может и хорошо, что не простился со Шкаликом», – подумал я. – «Надо будет смотреть ему в глаза. А как объяснить, что город не для него? Там он просто погибнет от тепла, уюта и сытной жизни».

Проехав несколько километров, я приблизился к самому

узкому месту реки и увидел, как наперерез из береговых кустов выскочил Шкалик. Он сел на накатанный снегоходом след, точно в том месте, где когда-то впервые увидел песка, попавшего в капкан, и услышал от меня команду:

– Взять его!

Я слез с «Бурана», подошел к нему и, опустившись на колени, обнял его за шею. Шкалик, вяло вилял хвостом и, повернув голову, смотрел отсутствующим взглядом в сторону возвышающихся вдали гор озера Глубокое.

– Прощай, Шкалик! – не слыша своего голоса, прохрипел я. Шкалик посмотрел на меня, как мне показалось, с укором. И не потому, что я оставляю его здесь, не беру с собой. Его обида была в том, что я не остаюсь с ним. Я взобрался на сиденье «Бурана». Собака сидела и не трогалась с места, пристально смотрела на меня с последней надеждой, умоляя остаться. Сердце мое разрывалось. Я больше не мог смотреть в эти умные глаза.

Нажал на гашетку и объехал Шкалика. Проехав сто метров, на изгибе реки я обернулся. Пес сидел все на том же месте, не двигаясь. Вдруг он поднял голову вверх и завыл так, что слезы ручьем потекли по моему лицу.

Я не знал, было ли это знаком прощания со мной или сигналом волчице, что теперь у него осталась только одна семья.

«Буран» с каждой минутой увозил меня все дальше и дальше, увеличивая расстояние между нами. А этот вой еще долго преследовал меня и преследует до сих пор.

Шкалик после моего отъезда на точке больше не появлялся.

Когда началась навигация, Вадима и Федю перебросили на другой участок озера Глубокое.

Осенью у Вадима случился приступ аппендицита. Довести до города его не успели. На причале, где ждала его скорая помощь, он потерял сознание и умер прямо в машине скорой помощи.

Прошла зима. А при наступлении весны многие «буранисты», вездеходчики рассказывали, что в районе озера Гудок часто видели волков.

Один из них отделялся от стаи, выбегал на протоптанный «буранами» след. Садился и внимательно вглядывался в приближающиеся снегоходы. Сидел так, пока было безопасное расстояние. Затем вскакивал и бежал к волкам, уходя с ними в лесной массив. Не знаю, был ли это Шкалик, но говорили, что среди диких собратьев он выделялся темной шерстью и лохматым загнутым хвостом.

Росомаха

Часть 1

На промысловой точке я жил один уже более месяца в ожидании вертолета. Мои напарники, Вадим и Федя находились в городе и занимались заготовкой товара необходимого на зимовку.

В первых числах ноября я решил выйти на озеро и установить прогоны для сетей. Уже больше недели держались морозные дни, и я был уверен, что лед достаточно окреп, но ошибся. В результате оказался в воде. Пес Шкалик, прибежавший мне на выручку, практически спас меня. Полтора километра он тащил меня, лежащего на лыжах, промокшего, без головного убора, без варежек.

Все закончилось благополучно. Выходить на озеро я уже не рисковал, поэтому с утра укладывал в рюкзак соболиные капканы, петли на зайца, брал винтовку, надевал лыжи и уходил к озеру Камо. Зима только входила в свои права. Продолжительное светлое время суток и легкий морозец доставляли удовольствие от таких прогулок. Летом острова, покрытые непролазным ивняком, багульником, валежником были основательно присыпаны снегом. И по ним теперь можно было свободно передвигаться на лыжах.

Снег вокруг кустарников был истоптан петляющими тропами зайца, куропатки, лемминга, горноста. По берегам проток и заливов в ложбинах замерших ручейков к этим следам добавлялись отпечатки пересекающихся соболиных двоек. Песцы, еще полностью не сменив меховой наряд, понимая, что пока не представляют никакой ценности, вели себя нагло и, пробегая мимо, начинали агрессивно лаять.

Мое внимание привлекли часто попадающиеся пятипалые двойки и тройки, оставленные на снегу росомахами. С этим зверем я еще не встречался, но такого количества их следов мне больше видеть не приходилось за все время занятия промыслом.

В журнале «Охота и охотничье хозяйство» однажды я прочел перепечатанный рассказ одного из зарубежных писателей том, как росомаха, обосновавшись рядом с поселением индейцев, воруя добычу из силков и капканов, обрекла людей на голодную смерть и чуть было не погубила. Племя вынуждено было покинуть обжитые места.

«Что же это за монстр?» – повелся я на эти росомашьи страшилки тогда, еще не зная, что они предназначены для дилетантов, любителей читать охотничьи байки сидя у теплого камина.

Возвращался назад я после таких прогулок, через три-четыре часа, с набитым рюкзаком, в котором лежали зайцы, куропатки.

Часть 2

Наконец, прилетел вертолет. Сдвижная дверь отворилась. В проеме стояли Вадим и Федя. Командир не стал глушить двигатель, и мы сразу занялись разгрузкой. Сбросили на снег бочки с бензином, строительный материал, ящики с продуктами. В вертолет загрузили несколько десятков мешков оставшейся с осени рыбы.

– Командир. А это – рыба вашему экипажу, – я показал на отдельно лежащий мешок.

– Спасибо, ребята. Удачного вам промысла! – прокричал командир.

Двигатель набирал обороты, лопасти стали выпрямляться, плотным потоком воздуха смешивая и разбрасывая по косе снег и песок. Вертолет поднялся вверх и через несколько минут скрылся из виду.

Лед на озере окреп, поэтому на следующий день на двух снегоходах мы отправились выставлять сети. Долго стояли у дорожки торосов, длиной более двадцати метров, в том месте, где я, провалившись под лед, выбирался из воды.

– След, как от ледокола «Красин» – сказал Вадим.

– Нет. Скорее «Челюскин». Видишь, и тряпки побросали, – Федя показал на фуфайку и кроличью шапку, вмерзшие в лед.

Мы посмеялись и начали выдалбливать вещи и инвентарь,

брошенные мною неделю назад.

Затем занялись установкой прогонов и уже через пять часов под лед завели последнюю сеть.

– Начало зимней путины объявляю открытой. Ура, товарищи! – Я выстрелил из ракетницы вверх.

На следующее утро отправились на проверку сетей. Погода стояла относительно теплой. Небольшой южный ветер не давал морозу опуститься ниже двадцати градусов. Вадим работал пешней, вырубая еще не успевшие глубоко промерзнуть смотровые и прогонные лунки. Федя вычерпывал из них куски льда плетеным из металлической проволоки черпаком. Я расчищал от снега площадку под заморозку рыбы.

– Давайте сначала проверим перемет, а потом уже займемся сетями, – предложил Вадим.

Кроме сетей мы устанавливали и переметы. На длинном прогоне подвязывали до сотни поводков с большими крючками. В качестве привады использовали мелко нарезанного сига. А чтобы куски рыбы не промерзали на морозе и легко одевались на крючок, хранили их в большом ведре, обшитом войлоком.

Мне всегда было интересно наблюдать, как Вадим, закинув на плечо прогон, начинал вытягивать перемет из смотровой лунки, как из воды на лед вслед за поводками выползают налимы, одетые в камуфляжный наряд, и, хватая ртом воздух, извиваясь, ударяя хвостами, утрамбовывают снег. Чем дальше он уходил от лунки, тем больше зеленых особей

подключалось к танцу на льду. Скоро на снежной площадке в шеренгу лежали разные по весу и размерам рыбыны. Некоторые из них достигали более десяти килограмм. Результат, как всегда, был один: сто крючков – сто налимов.

Вытащив перемет, нужно было еще вызволить крючки из рыбы. Налим заглатывает приваду так глубоко, что вытащить рукой крючок из пасти, в которой сотни мелких зубов, не так просто. За одну проверку можно просто стереть кожу на пальцах до костей. Вот тут-то в ход пускали «зевайло». Это деревянная круглая дубинка с одного конца, выведенная на плоскость к другому, с углублением под крючок. Рыбу сначала оглушали круглым концом дубинки, затем в пасть по натянутому поводку до крючка вводили плоский конец и делали резкий рывок.

Наконец проверка перемета завершилась. Насадив свежую приваду, его снова завели под лед и приступили к проверке сетей. Как только первые метры снасти с большим количеством рыбы появились на поверхности, стало ясно, что с местом установки не ошиблись.

Через несколько часов на льду лежало более ста килограмм рыбы. Основную массу улова составляли чир, муксун, нельма, сиг, которые в это время года скатывались на нерест. Попадались и крупные экземпляры гольца и кумжи.

Рыбу загрузили в волокушу и отправились к избе. На льду оставили только налима. Его затаривали в мешки через два дня после хорошей заморозки.

Часть 3

С утра Вадим с Федей поехали проверять сети, а я готовился к выезду на путик и укладывал в сани необходимый инвентарь. С берега хорошо просматривалось озеро, и мне было видно, как они уже подъехали к месту установки прогонов. Вдруг с озера раздался хлопок. В небо поднялась красная ракета. «Что могло случиться у ребят?» – подумал я и завел «Буран».

Через десять минут я подъехал к лункам.

– Смотри, что твориться, – Вадим показал мне площадку, где еще вчера были оставлены на льду налимы.

Снег вокруг был истоптан и утрамбован. Вся рыба была разбросана, обглодана. Разорванные тушки кусками валялись вокруг, напоминая пищевую помойку. Я начал изучать следы.

– Похоже на маленького медведя, – сказал Федя, глядя на меня с хитрецей.

Росомаха в своих повадках чем-то похожа на медведя, хотя и не впадает в зимнюю спячку, как он. Легко спутать крупные следы росомахи с медвежьими, потому что на ее лапах есть перепонки, и площадь следа оказывается такой же, как у медвежьего.

– Смеешься? Да они уже два месяца спят.

Я присел, разглядывая четкие когтистые отпечатки на снегу.

– Ну, что разглядел?

– Просматриваются все подушечки пальцев, а когти едва видны. Следы разные по размерам, двоят, троят. Росомаха. И не одна. Тушки разорванных крупных налимов еще не успели промерзнуть. Значит, росомахи ушли отсюда недавно.

Осматриваясь по сторонам, я увидел такие же отпечатки следов, уходящие к противоположному берегу.

– Молодец. А вот Вадим поверил в маленьких медвежат.

– А что? Точно похожи.

– Ладно, вы проверяйте сети, а я проеду по следам. Далеко уйти они не должны. Вадим, отцепи мне сани. Как закончите проверку, стоняй в избу, привези сюда несколько капканов. Установим их здесь на всякий случай.

– А к чему их крепить будем?

– Ну, что тебя учить? Захвати пару кольев, вморозим их в лед.

Среди охотников-промысловиков росомаха снискала себе дурную славу как любительница прогулок по охотничьим путикам, за пристрастие «проверять» капканы, воровать в них приманку, съесть попавшую в них добычу.

Я поехал по озеру, вглядываясь в след, идущий кривыми зигзагами. Через несколько сот метров увидел еще один такой же, только намного крупнее. Отпечатки тянулись параллельно, иногда пересекались и опять расходились. Потом оба следа повернули в сторону большого песцового путика, идущего

щего вдоль береговой линии. Через пару километров вдали я увидел две темные точки на озере. Нажал на гашетку, выжимая из снегохода лошадиные силы.

«Так вот вы, наши ненасытные воришки!» Впереди бежали две росوماхи черно-коричневого цвета с золотистыми полосами на боках. Сгорбившись, повернув головы в разные стороны, они жались друг к другу боками, как запряженные в одну упряжку. Вдруг одна, что поменьше, резко повернула вправо и, совершенно не проваливаясь, скользя лапами по снегу как лыжник, перевалила крутой подъем заснеженного берега. Пробивая себе путь в густых ветках кустарника, пыталась уйти в горы. Я вскочил ногами на сидение «Бурана», скинул винтовку и несколько раз прицельно выстрелил. Понеслось приглушенный визг и рычание, росوماха завертелась. Я последовал за ней, но уже на середине подъема снегоход стал зарываться и оседать в рыхлом снегу по ветровое стекло. Ремень вариатора стал дымиться, в воздухе запахло горелой резиной.

«Да, придется вставать на лыжи», – подумал я и начал выбираться из снега.

Отыскивая глазами росوماху, протаптывая лыжами колею, проваливаясь по пояс в снегу, я пробивался сквозь плотные заросли ивняка. Наконец, увидел ее, лежащую на снегу. Ткнул в туловище стволом винтовки. Она не двигалась. Это была моя первая росوماха, но рассматривать ее времени не было. Я торопился успеть настичь вторую бег-

лянку. Подошел к снегоходу, завел его. Тушку забросил в рюкзак и стал внимательно всматриваться вдаль. Росомаха бежала вдоль озера и маячила еле различимой точкой, но догнал я ее быстро. Здесь не было ее любимой стихии – леса и глубокого снежного наста, на котором она уже давно бы затерялась в кустах. Росомаха бежала как-то боком, неуклюже, сторбившись, поглядывала в мою сторону и предсказуемо меняла направление.

«Голубушка, у песцов надо учиться удирать», – подумал я.

Меня всегда восхищала способность песка, убегающего от преследования, делать разворот на сто восемьдесят градусов, который он совершал при помощи хвоста. Резко опираясь на него, делал взмах, как рулем, тело разворачивалось, и песец уже бежал в противоположном направлении.

Росомаха постоянно поворачивала голову вместе с туловищем вправо, влево. Маленькие злые глазки следили за мной. Бежать ей было очень тяжело. Набитый живот волочился практически по снегу. Она открыла рот и на бегу стала отрывывать пищу. Из пасти стали вываливаться куски непереваренной рыбы. Пробежав еще десяток метров, она рухнула на снег, завалилась набок, а потом на спину. Выставила перед собой растопыренные когтистые лапы, открыла пасть и начала издавать хрипящие звуки, чем-то похожие на хрюканье.

Эта, вроде, беспомощная поза росوماхи, самая опасная для ее соперника. Такую позицию она занимает, когда всту-

падет в схватку с более сильным противником.

Пара волков никогда не осмелится напасть на росомаху и тем более попытаться отнять у нее пищу. Стычки между росомахой и волками, как правило, происходят при дележке добычи и не заканчиваются каким-либо существенным уроном для обеих сторон. Бегая по кругу, отгоняя друг друга, они поочередно успевают отхватить себе кусок и мирно разойтись. Но если в поисках добычи их пути случайно пересекнутся, стая непременно предпримет попытку напасть на росомаху и отомстить, за то, что она отбирает у них пищу. Почувствовав грозящую опасность, она вскакивает на дерево и ждет, когда волки уйдут, не проявляя ни малейшего признака беспокойства, потому что всегда уверена в себе.

Окруженная стаей на открытой местности, она будет драться до последнего. При нападении сразу опрокидывается навзничь, защищая свою спину. Как ежик при опасности сворачивается в клубок, подставляя острые иглы, так и росомаха выставляет перед собой когти. Молодой неопытный волк с яростью набрасывается на беспомощного, как ему кажется, врага, подставляя свое незащищенное брюхо, в которое тут же вонзается десяток «ножей», а в горло впиваются зубы, способные дробить крупные кости. Именно за это она и получила прозвище «гиены севера». Когти росомахи разрезают и рвут брюшину, а зубы перегрызают глотку. Волк с визгом крутится в снежной кровавой каше и вскоре замолкает. Росомаха вскакивает и при повторном нападении опять

совершает кульбит, размахивая лезвиями своих когтей.

Стая отступает, предоставляя коридор и давая возможность росомaxe уйти. Стоит ей перевернуться и встать на лапы следует следующая атака. Так может продолжаться до тех пор, пока стая не потеряет ранеными еще несколько собратьев и, в конечном итоге, даст росомaxe возможность уйти, или пока кому-либо из волков не удастся схватить ее за холку и тогда они разрывают ее.

Этот бесстрашный, агрессивный, прожорливый и лютый зверь без каких-либо колебаний может вступить в схватку за добычу с медведем. Свою росомaxa никогда не уступит, а отнять чужую предпримет всегда, не взирая, что уступает противнику в размерах и весе. Я достал из чехла винтовку и выстрелил.

Часть 4

Когда я подъехал к ребятам, они уже заканчивали проверку сетей.

- А вот вам виновницы, – я бросил на снег росомax.
- Редкий случай. Сразу две, – Федя стал их рассматривать.
- Самец. Уже взрослый. Посмотри, такими зубами можно порвать и колючую проволоку. А самка еще молодая. Вот это, Вадим, нам подарок на муфты. Лучший способ согреть руки при проверке сетей. Сегодня же выделаю, а потом сошью тебе и себе.

Шерсть россомахи, теплая, длинная, жестковатая, темно-каштанового окраса, обладает одним необычным свойством, которым не обладает ни один другой вид меха: благодаря густому подшерстку, он никогда не покрывается инеем, не становится влажным даже в самые лютые морозы. Ворсинки меха настолько плотные и гладкие, что кристаллам льда просто не за что зацепиться, и стоит мех только встряхнуть, как они опадают.

– Ладно. Давайте капканы настраивать. Следов россомах по озеру больше, чем песцовых. Значит, придут сюда на запах рыбы обязательно.

Вырубили пешнями углубление во льду. Побросали туда разорванные тушки налима, засыпали снегом и залили водой. Вморозили в лед два кола из лиственницы. Сверху на видном месте, установили два капкана, еще два закрепили тросиками, обложили небольшими кусками налима и замаскировали, присыпав снегом. Загрузив выловленную рыбу в волокушу, ребята поехали к избе, а я направился по песцовому путику.

Россомаха пришла в эту же ночь. Еще за сотни метров почувяв запах пищи, сгорбившись, петляя, направилась к прогонам с сетями. Увидев замороженные колья, осторожно стала подходить к ним, держась против ветра, часто останавливалась, обнюхивала воздух. Лакомый аромат рыбы начинал возбуждать. Хищница замерла, внимание привлек капкан. Один, второй. Она чувствовала запах металла, а напряже-

ние взведенных пружин насторожило ее. Предусмотрительно обошла площадку вокруг несколько раз, не выпуская из виду чернеющие ловушки, и вдруг повернулась к ним боком и начала судорожно работать лапами, забрасывая грозящую опасность снегом и льдом. Тяжелые ледышки со звоном упали на язычок капкана, и дужки с громким щелчком сомкнулись. Капкан, подпрыгнув вверх, упал набок.

Росомаха от лязганья металла отпрыгнула в сторону, оскалилась, обнажая желтые зубы, торжествуя от результата проделанной работы. Осторожно подошла ко второму капкану и, внимательно рассматривая его, не шевелясь, долго стояла в раздумье. Затем расчетливо зацепила когтем удерживающий его тросик и резким рывком отбросила в сторону. Капкан ударился о лед, дужки сомкнулись. Росомаха вновь оскалилась и, поглядывая на закрытые, уже не представляющие опасности капканы, продолжила обнюхивать воздух, медленно приближаясь к замороженной рыбе, большое количество которой видела через матовый глянец поверхности льда. Она завертелась, чтобы добраться до источающей приятный запах рыбы, пустила вперед мощные когти, вырывая и кроша лед. Из открытой пасти повисла слюна, голод и азарт притупили чувство осторожности. Она стала вертеть корпусом из стороны в сторону, лихорадочно работая мощными лапами, оставляя глубокие борозды на льду.

И тут последовал мягкий щелчок. Заднюю лапу намертво обхватили стальные дужки. Росомаха сделала запоздалый

прыжок в сторону, последовал еще один щелчок, и уже переднюю лапу сжали тиски. Злыми глазами она уставилась на удерживающие ее капканы, не делая резких движений и попыток освободиться. Чтобы не причинять себе боль, вытянулась, легла на лед, изредка подергивая лапами, зажатыми в стальные скобы, затихла и закрыла глаза.

На следующий день ребята обнаружили ее лежащей без движений, окоченевшую, покрытую снежным инеем.

Часть 5

Слово росомаха финского происхождения и означает «обитатель скалистых мест». Причиной большой численности росомах этой зимой стали олени, которых много осталось в горах. Ягеля, их основного корма, на склонах и плато было достаточно. Добыть его здесь, разгребая копытами снег, им было легче, чем в заснеженной тундре, где он накрыт метровыми толщами снега. Полярные и тундровые волки в заснеженных горах для оленей большой опасности не представляют.

Пасутся они небольшими группами и, как это ни странно, добывая корм себе, помогают добывать его песцам и росомахам. Поэтому всегда находятся под их пристальным присмотром. Чтобы добраться до ягеля олени своими копытами, разгребают снег, снимая торфяной слой, обнажая проходы, коридорчики и комнатки, сделанные леммингами и мы-

шами. Песцы в ожидании своей очереди с нетерпением бегают вокруг, переговариваясь между собой коротким отрывистым лаем, но подойти ближе не решаются. Вот один из них не выдерживает и подбегает к молодой важенке. Та, замерев, скосив глаза в сторону белого пушистого зверька, настораживается и поднимает голову. Бык с большими ветвистыми рогами тоже внимательно следит за происходящим. Громко всхрапывая и опустив голову, разворачивается в сторону непрошеного гостя. Увидев надвигающуюся ветвь рогов, тьякнув, песец вскакивает, отбегает на безопасное расстояние и, свернувшись калачиком, ложиться на снег, томясь в ожидании.

Внезапное появление росомахи уже тревожит всех. Подняв голову, прижав маленькие уши к голове, внимательно следя глазами-бусинками за всем, что происходит, она бежит вперед, начинает скалиться и хрипло рычать, спугивая оленей, заставляя подняться со снега песцов. Подбежав к выкопанным в снегу лункам, прислушивается к шорохам, определяя местонахождение мышей и леммингов. Осторожно поглядывая на гостью и держась на безопасном расстоянии, песцы тоже подключаются к охоте, уткнувшись носом в лишайник. Обнаружив мышь, начинают часто работать лапами и, схватив добычу, срываются с места и убегают, прячась в кустах.

Олени, почувствовав грозящую опасность, сразу спускаются с плато и устремляются в лесной массив, где всегда

много снега. Если для волков непролазные сугробы – преграда, для росوماхи – стихия. Здесь она чувствует себя вполне комфортно. И если очень голодна и решается напасть на оленя, выбирает себе жертву, отсекает ее от общей группы и намеренно гонит в лес. Преследуя, растопырив лохматые лапы, практически не проваливаясь, она, скользит по снегу, как лыжник, не дает жертве ни минуты отдыха. И так будет идти за ней сутками, не отвлекаясь даже на более легкую добычу, встретившуюся на пути. Обреченный олень, оказывается в безвыходном положении и обессиленный все чаще начинает ложиться в снег для отдыха, где его в конечном итоге настигает росوماха. Такой же метод она предпринимает при охоте на зайца.

Часть 6

В один из вечеров по радиосвязи нам сообщили, что предположительно в районе озера Камо сломался вездеход с геологами. Попросили разведать обстановку, узнать, что случилось, и, по возможности, оказать посильную помощь. Расстояние от нас до озера не более пяти километров. Идеально круглой формы, диаметром не более четырехсот метров располагалась оно на высоком каменном плато. В озере водилось много пеляди, но вылавливать мы ее не решались, так как она практически вся была заражена гельминтами.

Уложив под сидение «Бурана» два термоса с горячим ко-

фе, захватив винтовку, я отправился в путь.

Быстро добрался до озера, объехал его вокруг, в бинокль внимательно осмотрел окрестности, но не обнаружил ни вездехода, ни его следов. Возвращаться назад решил по путику, идущему по реке Лама. Спустился с плато, выехал на протоптанную снегоходом колею и поехал по замершему руслу.

Несмотря на мартовский мороз, солнце приятно пригревало спину. Я держался за ручки снегохода, взглядом отыскивал снежные горки с установленными на них капканами. Если они стояли без видимых повреждений, двигался дальше, не останавливаясь. Монотонный, убаюкивающий звук двигателя клонил в сон. Безмолвный пейзаж с заснеженными деревьями и кустарниками по берегам реки притуплял зрение. Что-то заставило меня повернуть голову влево, когда я проезжал мимо небольшого залива. Там, в самой его глубине у ручья, стоял соболиный «взбежек» (валежник, под наклоном приставленный к дереву). Через голые ветки кустов просматривался темный неподвижный силуэт крупного зверя.

«Неужели, волк. Каким образом он мог попасть в соболиный капкан?» – подумал я. Машинально вскинул ружье и подъехал ближе.

У валежника сидела росомаха. Стальные металлические дужки маленького капкана смогли обхватить лишь три фаланги ее передней лапы. Она сидела, не двигаясь, опустив голову. Мощные шейные мышцы вздрагивали и напрягались

при закрытии пасти и расслаблялись, когда она ее открывала. Росомаха опиралась на растопыренную лапу, вонзив свои когти в снежный наст, другую с пленившим ее капканом держала перед собой на уровне груди. Одним резким рывком она могла бы освободиться, сбросить капкан, разбить его, но ей было больно, непривычно больно, поэтому она не шевелилась, боясь сделать себе еще больнее.

Это заяц, попав в капкан, будет в ужасе совершать прыжки в стороны, стараясь освободиться. Истериичность этих прыжков будет сопровождаться такими же истерическими гортанными звуками, напоминающими плач младенца. Он будет метаться до тех пор, пока не сломает себе лапу, оторвав ее, отбежит на несколько метров и ляжет в кусты. Так и замерзнет без движений, боясь пошевелиться.

Волк, обладая большой силой, постарается сделать все, чтобы разбить капкан. Даже лапу сможет перегрызть, но только после того, как онемевшую и обмороженную перестанет ее чувствовать. Освободившись, припадая на изувеченную лапу, уйдет.

Песец сразу начнет яростно впиваться зубами в скобы, обхватившие его лапу, стараясь освободить ее из металлических челюстей капкана. Ярость будет такова, что скоро вместе со скобой он начнет вгрызаться зубами и в свою лапу, вырывая из нее куски мяса, кроша свою кость. И если сможет освободиться, отбежит, ляжет и вновь вернется, чтобы насытиться куском привады, оставшейся в «городушке», а

заодно и доглодать кусок своей лапы в капкане.

Росомаха никогда не будет причинять себе боль. Она пристально смотрела на меня выжидающим взглядом, определяя мои намерения. Периодически судорожная дрожь, пробегала по ее телу, отчего шерсть на спине поднималась дыбом. Проглатывая слюну, она предупреждала: «Подойдешь, порву».

От удара прикладом по голове росомаха уткнулась носом в снег. Убедившись, что она мертва, я начал внимательно ее рассматривать. Это был уже взрослый самец весом около двадцати килограмм. Цвет шерсти типичный темно-бурый с палевым оттенком на голове, лапы почти черные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.